

Фэн Мин, подпрыгнув, спешно проговорил:

— Верно, как бы то ни было, нужно пойти и показать Сяо... — вспомнив, что этот таинственный мастер меча является его, этого тела, родным отцом, князь почувствовал себя слегка странно и добавил: — ...Господину Сяо. Он учитель Жун Тяня, узнав, что его восхитительный ученик отравлен, чем-нибудь поможет.

Жун Тянь выпрямился и поднялся с места, однако был не настолько оптимистичен, как Фэн Мин, и с горькой улыбкой проговорил:

— Ты не знаешь, каким человеком является наставник, только думаешь заполучить его помощь так легко.

Подняв рассеянный взгляд, Мэй Цзи просмотрела на них и с лёгким вздохом проронила:

— Если государь доверяет мне, то оставит здесь третью принцессу и Бо Лина, и пока государь не вернётся, ручаюсь, что они никуда не уйдут.

Хоть эта парочка и навредила Жун Тяню, отравив его, но если они вновь попадут в руки Жун Ху, с них просто снимут кожу живьём. А Мэй Цзи всё же не хотелось видеть трагичный финал принцессы царствующего рода Фаньцзя, и хотя в душе она по-прежнему злилась, но всё же разомкнула губы и обратилась к императору Силэй.

Третья принцесса слегка изумилась и взволнованно взглянула на красавицу Мэй Цзи.

Жун Тянь с горькой улыбкой покачал головой:

— Как я могу доверять тебе? Они останутся здесь, Жун Ху будет снаружи, а мои приближённые люди — караулить всё кругом.

Сказав «слушаюсь», Жун Ху вместе с другими охранниками вышел из комнаты.

Бо Лин, зная, что находится под временной защитой Мэй Цзи, в итоге немного расслабился и прямо под столом невольно крепко сжал мягкую руку третьей принцессы, после чего обернулся и посмотрел на возлюбленную.

Поначалу Жун Тянь хотел пойти один, чтобы увидеться с Сяо Цзуном и рассказать о предложении госпожи Яое, но посмотрел на Фэн Мина, который, казалось, вот-вот заплачет. Молодой мужчина ничего не мог поделать, кроме как взять князя с собой и вместе отправиться к учителю.

За стенами покоев Мэй Цзи с наступлением сумерек слегка похолодало, вечерний ветер дул в

лицо, обволакивая и не отпуская. Если бы это произошло в обычное время, то Фэн Мин наверняка с удовольствием начал бы резвиться, однако сейчас двух мужчин одолевало крайне мрачное настроение, что они даже немного порадоваться были не в силах.

Ле-эр, получив новости, уже встречал их снаружи и, охваченный сильным беспокойством, учтиво обошёлся с господами. Не смея тревожить Жун Тяня и Фэн Мина, молодой телохранитель, за которым шли ещё несколько охранников, держался позади на определённом расстоянии.

Любящий тишину и покой господин Сяо спал в другой стороне лагеря на огромном расстоянии от дворика Мэй Цзи.

Двое мужчин молча шли, озарённые лунным светом.

— Я раньше никогда не слышал имя госпожи Яое и Жун Ху не произносил его, — прервал тишину князь.

На что Жун Тянь откровенно сказал:

— Это я хотел, чтобы Жун Ху не упоминал её. Эта женщина... Я предполагал, что ты никогда не встретишься с ней.

Князь в недоумении спросил:

— В конце концов, откуда эта женщина родом?

— По слухам, она из знати Яньтин, отсюда владение удивительно ужасным искусством ядов. Эта женщина не только бесчувственная, но ещё у неё нет ни капли здравого смысла, и чаще всего совершенно беспричинно она может кому-нибудь навредить, даже незнакомцу, который не имеет к ней никакого отношения. Если только захочет, тотчас же подсыпет яд.

Услышав это, Фэн Мин сильно нахмурился, из-за чего образовалась складка на лбу. Неужели у этого тела мать может быть такой женщиной?

В современном мире князь был сиротой и никогда не получал родительскую заботу, однако сейчас узнав, что у него, по крайней мере, есть родители, и несмотря на все старания подавить разумом данный факт, Фэн Мин всё же не смог удержаться от зависти к Ань Хэ, прежнему владельцу своего тела.

Он в сравнении с князем немножечко счастливее, пожалуй, в плане родителей.

Жун Тянь явно не ожидал, что родители Ань Хэ до сих пор живы, к тому же они такие

выдающиеся личности.

— У Ань Хэ, который был крайне бесхребетным мальчишкой, внезапно оказались такие родители, да ещё такой смышлёный и живой ребёнок, а также преданная возлюбленная.

Как раз прокручивая в голове эти мысли, князь без раздумья ответил:

— Мне тебя одного хватает.

Жун Тянь резко остановился, отчего Фэн Мин чуть не врезался ему в спину.

— Что такое?

Император Силэй глубоким взглядом посмотрел на князя, в шёлке ночи глаза Жун Тяня излучали сокровенное и яркое духовное сияние.

— Фэн Мин, ты знаешь, что это за «кровь возлюбленных»? — внезапно спросил мужчина.

Юноша тотчас же напрягся:

— Разве не своеобразный яд?

— У ядов свойства разные. — Жун Тянь, опустив голову, посмотрел на Фэн Мина и шёпотом ответил: — Человека, отравленного «кровью возлюбленных», не отличить от простых людей, однако есть одно...

Молодой мужчина сделал паузу.

Фэн Мин нерешительно поднял голову:

— М?

— ...Отравленный не может сближаться телом со своим возлюбленным.

— Не может сближаться телом? — Фэн Мин широко раскрыл глаза. — Что именно считается за сближение?

— Нельзя касаться кожи, тела, иначе оба тотчас же умрут.

То есть не только нельзя было ложиться в постель, но и в добавок нельзя обниматься и целоваться.

Даже если целомудренно взяться за руки, можно немедленно умереть от действия яда.

Этот яд и та записка госпожи Яое, которая принуждала учителя жениться на ней, действительно не имели себе равных [1], заставляя аплодировать и кричать «браво»...

Тотчас же Фэн Мин почти застонал:

— То есть тебе теперь ко всем нельзя прикасаться?

— Только к тебе. — Из-за этого яда Жун Тянь тоже пребывал в крайне унылом настроении. — Только к очень дорогому сердцу человеку нельзя прикасаться, а остальные безразличны.

Князь лишь почувствовал, как головная боль время от времени охватывала его.

По-видимому, они только и могли надеяться на господина Сяо, уповая на то, что у него всё ещё осталась нравственность и он с покорностью возьмёт в жёны мать своего сына и введёт в свой дом, позволяя новобрачной побыстрее отдать противоядие.

Хоть господин Сяо и обладал самым прибыльным судоходным делом, но совершенно не был любителем роскоши и «игр» с людьми. Напротив, этот мужчина уважал природу и придавал значение собственному совершенствованию больше, чем погоне за славой и выгодой.

Когда же Жун Тянь с князем вошли в дом, где находился учитель Сяо, последний уже спал.

Если бы молодой мужчина не являлся любимым учеником Сяо Цзуна, к тому же серьёзное выражение императора Силэй говорило о важности дела, с которым он пришёл, личные слуги господина Сяо ни в коем случае не посмели бы тревожить сон учителя.

Двое господ прождали снаружи некоторое время, после чего их пригласили войти в комнату.

Проснувшийся от шума Сяо Цзун совершенно не выглядел сонным, наоборот, как всегда был равнодушным, но ясно мыслящим, а иногда, когда бросал взгляд, можно было с трепетом на сердце заметить яростные искорки в глазах.

Этот мужчина в любое время мог извлечь меч из ножен.

— В чём дело?

Жун Тянь с присущей императору Силэй вежливостью, увидев выходящего из дверей серьёзного Сяо Цзуна, тотчас же остановился и, выказывая почтение, ответил:

— Пришлось разбудить наставника, так как внезапно появилось одно дело.

Вкратце рассказав про вечернюю встречу с Бо Лином и третьей принцессой, молодой мужчина, похоже, понял, что у Сяо Цзуна не так много терпения слушать это, потому немедля перешёл к важному моменту, касающемуся госпожи Яое.

Услышав это имя, всегда безразличный Сяо Цзун слегка отшатнулся.

— Это она?

Жун Тянь, воспользовавшись удобным случаем, спросил:

— Господин действительно знаком с госпожой Яое?

Ненадолго задумавшись, учитель блёкло сказал со смехом:

— Мы не только знакомы.

Фэн Мин, выслушав приказ Его Величества, покорно стоял рядом, не перебивая. Сейчас, услышав эти слова Сяо Цзуна, князь в душе сорвался на крик, понимая, что госпожа Яое не несла вздор и, весьма вероятно, что господин Сяо являлся отцом ему, точнее этому телу.

Невольно он тайком обменялся взглядом с Жун Тянем.

Следующий вопрос был крайне важным.

Император Силэй, продумав всё, приглушённо спросил:

— Госпожа Яое рассказала Бо Лину, что она ради наставника родила ребёнка, который на данный момент уже вырос.

Напрягшись, князь стал наблюдать за реакцией Сяо Цзуна.

Однако учитель по-прежнему оставался равнодушен и, кивнув, ответил:

— Да, мой сын уже стал взрослым. — И, повернув голову, посмотрел на Фэн Мина: — И это князь Мин.

Ещё во время банкета, когда Сяо Цзун попросил Фэн Мина показать ладони, Жун Тянь тотчас же догадался, что учитель знает это, и сейчас молодой мужчина лишь удостоверился, не более.

А вот Фэн Мин был крайне поражён:

— Сяо... Вы... Вы знали, что я Ваш сын?

— Верно, я как-то раз, когда ты родился, видел твои ладони, и на банкете я признал их. — Сяо Цзун добавил: — Лицо и ладони похожи, их можно считать за человеческую метку. По моему мнению, ладони заслуживают больше доверия, чем лицо. Хотя ладони со временем меняются, однако по рисунку можно догадаться. Стоит мне однажды увидеть твои ладони, я тотчас же узнаю их даже спустя время.

Оказалось, мужчина не только прославился как мастер меча, но ещё был специалистом по ладоням.

Жун Тянь мыслил намного глубже, чем Фэн Мин, поэтому спросил учителя:

— Раз уж наставник и Фэн Мин, отец с сыном, встретились после долгой разлуки, почему на банкете тотчас не познакомились?

Командующий судоходным делом всех одиннадцати государств, имеющий в приближённых бесчисленное количество убийц и будучи учителем по искусству владения мечом, Сяо Цзун действительно «вкусил» как удачу, так и неудачу. С таким отцом Фэн Мин был в безопасности, ведь кто узнает об этом, хорошенько подумает, прежде чем нападать на князя.

Сяо Цзун, похоже, никогда не думал, что столкнётся с подобным делом, мужчина, покачивая головой, со вздохом ответил Жун Тяню:

— К сожалению, хоть ты мой самый талантливый ученик из всех, однако по-прежнему не понимаешь смысла стремиться к вершинам искусства владения мечом. Я в молодости обладал превосходным талантом, и в двадцать лет уже не было никого, кто бы мог меня победить. Начиная с того времени, я решил посвятить свою жизнь искусству владения мечом. — В глазах Сяо Цзуна можно было увидеть, что мужчина предался воспоминаниям. — Когда мне исполнилось двадцать пять, я внезапно осознал, что выбранный мною путь действительно долг и бесконечен, но жизнь, оказывается, может закончиться.

— А-а! — внезапно до князя дошло. — Потому Вы с госпожой Яое решили родить наследника.

Сяо Цзун после того, как признал Фэн Мина своим сыном, даже не обращал внимания на него, словно сын для него ничто, и сейчас, услышав слова князя, наклонил голову, одаривая его взглядом, и ответил:

— Найти талантливую женщину, которая родила бы мне соответствующего моему желанию ребёнка — легко было сказать. Тогда слава моя уже гремела на всю Поднебесную, семейное судоходное дело тоже было как солнце в зените [2], и стоило открыть рот, любая женщина из любого государства тотчас же согласилась бы на мои условия.

Эти слова хоть и звучали несколько преувеличено, однако если тщательно поразмыслить, то в те годы положение Сяо Цзуна было безупречным, даже сейчас он выглядел элегантно, а в молодые годы, безусловно, считался красивым мужчиной. И в прошлом являлся бриллиантовым холостяком [3].

Фэн Мин представил, как выглядел тогда господин Сяо, на которого множество красивых девушек налетали, как пчелиный рой, одна госпожа Яое смогла получить редкий шанс — увести и родить ему ребёнка, что было уникальным успехом.

— Учитель в конечном итоге выбрал госпожу Яое? — спросил Жун Тянь.

— Яое? — слегка отреагировал мужчина на это имя, и каждый раз, когда оно срывалось с уст, в нём чувствовалось скрытое огорчение. Мужчина со вздохом продолжил: — Верно, в итоге я сделал выбор. Тот отрезок времени, проведённый с Яое, можно было считать весельем небожителя, я впервые отложил в сторону искусство владения мечом и сосредоточился на наслаждении жизнью. Однако после того, как Яое забеременела, я понял собственную ошибку.

На что князь изумился:

— Какую ошибку?

Похоже, Жун Тянь понимал лучше настроение учителя и шёпотом спросил:

— Наставник полюбил госпожу Яое?

— Полюбил Яое? — На лице Сяо Цзуна появилась рассеянность, которая в тот же миг исчезла, и, вновь вернув прежнее самообладание, мужчина продолжил предаваться воспоминаниям: — После того как Яое забеременела, я захотел, чтобы она немедленно покинула меня.

Фэн Мин вскрикнул от страха.

Что это значит? А причина?

Не обращая внимания на крик князя, Сяо Цзун с каменным лицом продолжил:

— Я сказал ей: в будущем, если родится сын, она тотчас же должна принести его мне и показать. Если дочь, которую я совершенно не требовал, то нам не обязательно встречаться.

Фэн Мин посмотрел на учителя Сяо, и его выражение глаз слегка изменилось.

Теперь перед лицом находился человек, который неосознанно проявил свою бессердечность и сейчас ничуть не уступал госпоже Яое, а даже, наоборот, был вполне себе её достоин.

Не исключена возможность, что госпожа Яое стала такой как раз по вине этого мужчины.

— Госпожа Яое родила сына, — изумился Жун Тянь, почувствовав странное. — Неужели она так возненавидела учителя и, чтобы свести счёты, специально не вернула Фэн Мина учителю?

— Нет, она, согласно договорённости, принесла его. Я помню, она, держа только что родившегося ребёнка, принесла показать мне и, словно маленькая девочка, заплаканная, была взволнованная и радостная.

— Тогда из-за...

— Из-за того, что он негоден, — учитель холодно прервал вопрос Жун Тяня и прямо сказал: — Хотя это моя плоть и кровь, однако духи сделали его не таким, как я. В особенности его неспособные держать меч руки, я лишь взглянул и сразу понял, что он не станет мастером меча Юнъинь. Кто бы мог подумать, что мой сын, сын Сяо Цзуна, окажется бесталанным и неспособным держать меч тупицей. Я зря потратил целый год. Я тотчас же пожелал, чтобы Яое унесла ребёнка и больше не попадалась мне на глаза.

Эти слова эхом отозвались в голове князя, который сразу побледнел.

Сердце защемило, и император Силэй только было хотел крепко сжать руку Фэн Мина, как, внезапно вспомнив, что отравлен, резко остановил себя, больше всего боясь, что ещё не сдержится и коснётся любимого. Жун Тянь, подавляя чувства, отступил на небольшое расстояние.

— Учитель поступил крайне бесчувственно. Они, мать и сын, потратили Ваш год, однако Вы испортили всю их жизнь. Ваше сердце не дрогнуло? — Жун Тянь всегда относился к чрезмерному бесчувствию учителя безропотно, однако сейчас, нахмутив брови, возразил.

Редко встречавший того, кто смело возразит ему в лицо, Сяо Цзун невольно обомлел.

С его нравом даже самый любимый ученик лишь вызвал гнев и желание нанести беспощадный удар. Соответственно Сяо Цзун резко и пристально посмотрел на императора Силэй.

Однако Жун Тянь под тяжестью этого взгляда по-прежнему оставался спокоен, твёрд и ни на волос не испугался, наоборот, приглушённо спросил:

— Господину действительно хватило жестокости?

В воцарившейся тишине ощущался запах надвигающегося бедствия, даже Фэн Мин, почувствовав, как напряглись нервы, пристально стал наблюдать за каждым движением Сяо Цзуна.

Учитель крайне глубоким [4] взглядом с мгновение посмотрел на Жун Тяня и, увидев, что последний с достоинством сохранил самообладание, краем глаза заметил, как плечи князя слегка приподнялись, а сам юноша в любой момент, если дела примут дурной оборот, готов был наброситься, после чего наставник незаметно для себя смягчился, позволяя тому недовольству, охватившему сердце, исчезнуть.

Медленно переместив с императора Силэй взгляд и протяжно вздохнув, мужчина проговорил:

— Мне действительно хватило жестокости? Истина искусства владения мечом заключается в невыносимом одиночестве, я с самого начала хорошо это понимал. И раз уж выбрал, то шанса повернуть уже не будет. К сожалению, в мире нет талантливого человека, способного перенять искусство владения мечом, боюсь, что после меня приобретённым навыкам этого искусства только останется, что проследовать со мной в могилу. — И, повернув голову, взглянул на Фэн Мина.

Князь, конечно, понимал, что мужчина укорял своего сына, который являлся лишь пригодным для украшения и которому из-за плохих рук никогда не стать мастером меча. Вот только сам князь не испытывал угрызений совести за это, лишь Сяо Цзуна должна была совесть мучать.

Фэн Мин гневно проговорил:

— Не было выбора не у Вас, а у госпожи Яое и её сына. Вы их бросили, один из них во дворце... тогда... во дворце подвергся издевательствам. — И косо посмотрел на Жун Тяня. — Характер госпожи Яое сильно изменился, она превратилась в ужасную женщину, на которую люди смотрят с ненавистью, у матери и сына горестная судьба, и всё из-за Вашей так называемой одержимости. Вы причинили вред ни в чём не повинной женщине, желая заполучить лишь наследника, которому передали бы своё мастерство. Вам вообще не ведомо, что такое любовь.

Жун Тянь заметил, что чем больше говорил Фэн Мин, тем больше гневался, и его лоб покрылся холодным потом.

Ведь мастер меча Сяо Цзун уже достиг непревзойдённого положения и если впадёт в ярость, то тотчас же, неожиданно вынув меч, пронзит Фэн Мина, и даже стоящий перед ним Жун Тянь, вероятно, не успеет воспрепятствовать.

Однако Сяо Цзун на удивление не сердился, и, отвечая на слова Фэн Мина, мужчина пробормотал, словно разговаривая сам с собой:

— Кроме искусства владения мечом, в моём сердце чем меньше забот, тем лучше. Чем меньше знаешь, что такое любовь, тем лучше. — Он медленно повернулся, высокий силуэт, стоящий напротив Жун Тяня и Фэн Мина, внезапно молча опустился, и спустя мгновение вновь раздался шёпот: — Лица людей в моей голове ничем не отличаются, потому никогда не могу их запомнить, лишь помню руки. Но в те года, когда я впервые в жизни запомнил чьё-то лицо, лишь облик Яое был иным: нос, глаза, ярко-алые губы, ямочки на щеках... Лишь увидев её, её облик, я могу узнать.

Воспоминания в мгновение ока разбили оковы сердца холодного Сяо Цзуна, слова которого звучали уже не так беспощадно и чёрство. Понимая, что не стоит терять выпавший шанс, Жун Тянь поспешно проговорил:

— Госпожа Яое наверняка где-то поблизости. Она отравила меня, к тому же оставила письмо наставнику, надеясь, что вновь будет вместе с учителем. Видимо, на протяжении столь долгих лет госпожа Яое по-прежнему глубоко любила господина.

Фэн Мин хоть и злился на Сяо Цзуна, однако сейчас прекрасно понимал — нужно ковать железо, пока горячо.

— Сейчас перед Вами шанс раскаяться, хорошенько берегите его, и тогда Вам с госпожой Яое, возможно, посчастливится. — Тогда и ему с Жун Тянем, возможно, посчастливится в сексуальной жизни.

Жун Тянь, в свою очередь, вытащил из рукава письмо госпожи Яое и, держа двумя руками, передал Сяо Цзуну.

Однако учитель Сяо не взял, а лишь, покачав головой, сказал:

— Смотреть не стану, на том и покончим. Каким ядом она тебя отравила?

— «Кровью возлюбленных».

После искренних слов Сяо Цзун немедленно поднял голову и, убрав улыбку с лица, вздохнул с облегчением, а с губ сорвались слова, наполненные лёгкой безысходностью:

— Её нрав всё же не изменился.

Жун Тянь понимал, что идти по извилистой дороге [5] бесполезно, потому прямо спросил Сяо Цзуна:

— Наставник согласен на требования госпожи Яое?

— Жениться на ней? — Сяо Цзун не ответил, наоборот, опустил голову и обнажил находящийся за поясом редкий длинный и тяжёлый меч.

Фэн Мин, никогда не видевший меча этого мастера, подумал, что это необычная вещь.

Клинок в сравнении с обычным был длиннее примерно на цунь [6], цветом — немного тусклый, простой и без всяких украшений, однако устойчиво держался в «правильных» ладонях Сяо Цзуна, от него исходила некая устрашающая сила, которую нельзя было не заметить.

Сяо Цзун держал длинный меч прямо перед глазами и, согнув пальцы, щёлкнул по лезвию, клинок, в свою очередь, издав «дзинь», безостановочно задрожал.

Глубоким взглядом окинув дрожащий клинок, наставник проговорил:

— Я потратил год, чтобы запомнить лицо Яое, и после расставания с ней потребовалось ровно пятнадцать лет, чтобы вычеркнуть её из памяти. После чего я вновь ступил на огромный путь искусства владения мечом.

Его ответ камнем упал, жестоко раздавливая сердце Фэн Мина.

Казалось, из-за своей одержимости искусством меча наставник совершенно не намерен жениться на госпоже Яое.

Тогда как быть с противоядием?

Фэн Мин ради отравленного Жун Тяня сдержал злость и, прибегнув к хорошим манерам, спросил:

— Даже если господин не хочет брать госпожу Яое в жёны, то по крайней мере должен объединиться с нами, чтобы достать противоядие.

— Противоядие?

В душе Фэн Мин подумал: «У этого Сяо Цзуна психологическая дисгармония, поэтому прибегать к чувствам отец-сын бесполезно, так как любовью не тронешь его сердце, наилучшим способом является предлог, касающийся искусства меча» — и, прочистив горло, сказал:

— Жун Тянь является самым талантливым из всех учеников господина, который, естественно, разве не хочет, чтобы после смерти самый талантливый ученик унаследовал Ваше искусство меча? Лучше господину наставнику сначала согласиться на свадьбу, а как заполучим противоядие, мы вновь обсудим, как одолеть госпожу Яое.

Действительно, неважно, насколько обижена была матушка князя, вернее этого тела, однако кто позволил госпоже Яое отравлять? Тем более Жун Тяня.

Убеждения двух молодых мужчин звучали похоже, как две капли воды; заметив, что мысли значительно выросли и стали яснее, чем раньше, император Силэй с восхищением посмотрел на Фэн Мина.

Однако Сяо Цзуна это не убедило, а услышав слова князя, мужчина равнодушно покачал головой.

Он никогда не любил слишком много говорить, но, возможно, из-за того, что перед глазами находились родной сын и любимый ученик-последователь, к тому же дело касалось Яое, Сяо Цзун сделал исключение, объяснив:

— Во-первых, Жун Тянь самый талантливый из всех моих учеников, однако он ещё недостаточно опытен, чтобы стать моим преемником.

Князь изумился.

На самом деле Жун Тяня слишком часто восхваляли и преклонялись перед ним, потому князь впервые слышал из чужих уст такое неодобрение и что он, император Силэй, недостаточно опытен.

Очевидно, что Сяо Цзун хотел преемника, который имел был врождённый талант к искусству владения мечом. Такая крайне сложная задача была не по силам госпоже Яое, и за это её осуждать нельзя.

Жун Тянь, в свою очередь, нисколько не изменился в лице, похоже, ему и раньше доводилось слышать подобное от Сяо Цзуна, причём не единожды.

— Во-вторых, я, Сяо Цзун, выбрал крайне смышлённую женщину, которую ненавидит народ всей Поднебесной, и за долгие годы ни один из них не смог избавиться от неё. Вашими коварными планами её не обмануть.

— Но яд из Жун Тяня обязательно нужно вывести!

На лице учителя внезапно появилась шелковинка многозначительной улыбки, а сам мужчина задал князю встречный вопрос:

— Почему «обязательно нужно вывести»?

Фэн Мин открыл рот:

— Потому что... — Если нельзя касаться любимого, тогда лучше умереть, чем жить с мыслью о том, что Жун Тянь отравлен и к нему уже не прижаться телом, даря наслаждения и тепло.

Сяо Цзун проговорил:

— Яд «крови возлюбленных» на Жун Тяне скажется благотворно. Он удержит моего ученика от абсурдных любовных развлечений и позволит сосредоточиться, он улучшит свои навыки в искусстве владения мечом и продвинется, хоть по-прежнему не сможет превзойти меня, однако сможет справиться с остальными.

Это и впрямь всё равно, что поднять камень и ударить себя же по ногам [7]. Почему обязательно доходить до такого?

Судьба Ань Хэ действительно незавидная: не только матушка-отравительница, но и даже отец какой-то непонятный. У Фэн Мина вновь начала болеть голова, а сам князь, скрежеща зубами, процедил:

— Какая польза от улучшения навыков в искусстве владения мечом? Жун Тяня, как императора Силэй, защищает многотысячное войско, и ему совершенно незачем становиться мастером меча.

— Так как император Силэй хочет объединить все страны и достигнуть незабываемого успеха, тем более нужно сосредоточиться и отвергнуть любовные узы. Ты, если действительно хочешь, чтобы Жун Тянь достиг своих намерений, должен знать, как поступить.

Сяо Цзун, как обычно, был немногословен, однако речь [8] неожиданно оказалась острее его собственного меча. Князь от такого довода сразу смолкнул.

Внезапно Жун Тянь заговорил:

— Если человеческая жизнь заключена только в том, чтобы сосредоточить силу на важных вещах, в таком случае я предпочту сосредоточиться на Фэн Мине. Мир или Фэн Мин, если обязательно нужно выбрать, то я выберу Фэн Мина.

Князь в один миг зарделся румянцем.

Сяо Цзун не ожидал, что Жун Тянь скажет такую глупость, он неодобрительно отнёсся к словам императора Силэй и с досадой посмотрел на него:

— Император Силэй является умным человеком, так почему же погряз в любовной похоти?

На что сам молодой мужчина спокойно ответил:

— Погрязнуть в любовной похоти — это нечто дурное? Я погряз в Фэн Мине точно так же, как учитель — в искусстве владения мечом. Я выбрал Фэн Мина точно так же, как и учитель выбрал между госпожой Яое и искусством владения мечом — второй вариант.

Господин Сяо с издёвкой проговорил:

— Ничтожная любовь разве может сравниться с искусством меча?

— Конечно же, можно сравнивать любовь с искусством меча. Несмотря на то, как мы выберем, что выберем, на самом деле мы выбираем ради собственного удовольствия. Наставник посчитал, что искусство меча принесёт ему больше удовольствия, чем госпожа Яое, я же считаю, что Фэн Мин принесёт мне больше удовольствия, чем вся Поднебесная. Человеческие желания, только и всего, поэтому выбор разнообразен, без своего счастья человеку не понять всего этого. — Жун Тянь ненадолго прервался, а затем вновь продолжил: — Господин одержим искусством меча, много ли людей понимают его? По крайней мере госпоже Яое как раз этого не понять.

Эти слова на самом деле поражали врага его же оружием, даже Сяо Цзун не смог парировать.

Фэн Мин же чуть не заплодировал: Жун Тянь говорил уверенно и придерживался превосходных манер, которые убивали и сводили с ума; если бы не «кровь возлюбленных», князь наверняка бы бросился к нему и как следует расцеловал императора.

Учитель в задумчивости опустил голову, после чего, заливаясь смехом, сказал:

— Твоё красноречие восхитительно, но какой в нём смысл? Яое мне, человеку, одержимому искусством меча, может создать пагубное препятствие, я не согласен жениться на ней. Это ваше дело, поэтому сами идите и решайте его.

Махнув рукавами, мужчина неожиданно вернулся к себе и больше не выходил.

С изумлением проводив взглядом самодовольного уходящего учителя, Фэн Мин выпучил глаза, когда силуэт мужчины уже скрылся в дверном проёме, князь вновь обернулся и, глядя на Жун Тяня, развёл руки:

— Как поступим?

— Никак. — Жун Тянь изначально питал мало надежды на то, что учитель Сяо протянет им руку помощи, потому был не сильно разочарован. — Учитель не поможет нам справиться с госпожой Яое.

— Тогда противоядие...

— Противоядие нам нужно самим изыскать.

— Он и впрямь такой жестокий? — спросив, Фэн Мин уже понял, что вопросы излишни.

Разве мог мужчина, не пожелавший своего новорождённого ребёнка, сейчас ради ученика, которому нельзя было прикоснуться к любимому фениксу, жениться на госпоже Яое?

Двое мужчин, стоя в гостиной, хранили долгое молчание.

Фэн Мин вновь спросил:

— Есть хоть какой-то способ справиться с госпожой Яое?

Жун Тянь покачал головой:

— Уж если даже учитель хвалит её мастерство, в таком случае с этой женщиной совершенно невозможно справиться.

— Господин Сяо отказался сотрудничать, по-видимому, считает, что фиктивный брак перед тем, как получить противоядие, тоже бесперспективен. Неизвестно, какими боевыми навыками она обладает, ведь если госпожа Яое где-то рядом, можно ли пойти и схватить её?

Жун Тянь с горькой улыбкой спросил:

— Схватишь её, и что? Подвергнешь пытке, вынуждая отдать противоядие?

Оказавшись в тупике, Фэн Мин почувствовал, что голова вот-вот взорвётся, и, не сдержавшись, печально взглянул на императора Силэй. Обычно стоило князю обнажить страдальческое выражение лица, как Жун Тянь уже давно бы подошёл и обнял его, одаривая любовью и лаской, однако сейчас Жун Тянь, боясь коснуться его, спешно отошёл на два шага, обращаясь к князю:

— Помни одну вещь — мне нельзя прикоснуться к тебе, даже пальцем трогать нельзя.

Грусть охватила князя, да так, что он готов был закричать, и, находясь в смятении и понуро опустив голову, спросил:

— Наверняка есть другой способ, как избавиться от этого яда.

— От этого яда нельзя избавиться. Вот только и впрямь есть один способ, который поможет нам вновь сблизиться.

Фэн Мин приободрился:

— Что же ты раньше не сказал?!

— Пока мы не будем предаваться любви, не прямые прикосновения не вызовут действия яда, поскольку «кровь возлюбленных» относится лишь к отравлению любовника.

От этого способа князь чуть в обморок не упал, а от только что появившегося спокойствия не осталось ни тени. Фэн Мин с трудом проговорил:

— Тогда лучше умереть, и всё.

На что Жун Тянь также слабо отозвался:

— Угу, лучше умереть, и всё.

Тон речи был таким же, как у Фэн Мина.

Заметив, что у императора Силэй есть ещё настроение подшучивать, князь разозлился и уже хотел было отругать Жун Тяня, однако, подняв голову и увидев, что на лице возлюбленного нет и следа насмешки, а сам император так же, как и князь, удручён, Фэн Мину стало ещё тоскливее.

— Не беспокойся, — спустя долгое время, сжав кулаки, Фэн Мин процедил сквозь зубы. — Если даже придётся взобраться на гору из мечей и кинуться в море пламени [9], по небу пролечу и под землей пройду [10], но найду Сунь Укуна [11], Гуаньинь [12], Иисуса, Бога, посоветуюсь с Эйнштейном, Ньютоном, Марксом, но обязательно заставлю Сяо Цзуна жениться на госпоже Яое!

«Собранные мной знания истории Китая [13] не справятся с твоим ничтожным старым мастером меча?»

Нет, он всё же старый мастер меча, бросивший новорождённого сына и жену.

Небеса наверняка на моей стороне!»

Примечания:

[1] В оригинале фраза звучит как «в прошлом не иметь достойных предшественников, в последующем не знать равных преемников», обр: небывалый и неповторимый, не имеющий себе равных, уникальный.

[2] Обр. в знач.: в полном расцвете.

[3] Обр.: богатый холостяк, выгодный жених.

[4] В оригинале фраза звучит как «высота и глубина совершенно неизмеримы», обр. в знач.: чересчур глубокий, трудно постижимый, весьма заумный, недоступный для понимания.

[5] Обр.: говорить уклончиво; вокруг да около.

[6] Цунь — мера длины, около 3,33 см.

[7] Обр. в знач.: по глупости вредить самому себе; самому угодить в вырытую для другого яму; рубить сук, на котором сидишь.

[8] В оригинале фраза звучит как «остриё речи» — тема (разговора, выступления), разговор, речь.

[9] Обр. в знач.: готов идти на любые жертвы; не боясь лишений и опасностей, преодолеть все препятствия, чтобы выполнить свою миссию; пойти в огонь и в воду.

[10] Обр. в знач.: иметь способности всё сделать, ср. без мыла везде пролезет.

[11] Царь Обезьян — китайский литературный персонаж, известный по роману «Путешествие на Запад» У Чэньэня.

[12] Богиня Милосердия — персонаж восточной мифологии, бодхисаттва или божество, выступающее преимущественно в женском облике, спасающее людей от всевозможных бедствий. Образ восходит к буддийскому бодхисаттве Авалокитешваре, но Гуаньинь почитается представителями практически всех направлений буддизма махаяны в Китае.

[13] Имеется в виду популярная книга «Многовековая история Китая», написанная Цао Юйчжаном.

<http://bllate.org/book/13377/1190173>